

М. И. ИСАЕВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ УЧЕНИКА ОБ УЧИТЕЛЕ

(Из книги «Василий Иванович Абаев». М., Наука, 2000)

Переиздаваемая книга, выпущенная ровно 20 лет тому назад – к 80-летию со дня рождения В. И. Абаева – выполнила надежды, возлагаемые на нее автором. А надежды эти складывались из следующего положения вещей.

Будучи к тому времени рядом со своим учителем более тридцати лет, я убедился, что Василий Иванович – неординарная личность, незаурядный ученый, заслуги которого получают признание в основном у довольно узкого круга коллег-лингвистов. Этому парадоксальному положению у меня имеется несколько объяснений.

Во-первых. Известно, что в советскую эпоху существовала партийно-государственная оценка достижений ученого, при этом учитывалось его «политическое лицо». Что касается Василия Ивановича, то он не был членом партии и не принимал активного участия в общественно-политической жизни тогдашнего общества. Не разделяя антидемократические черты правления властей, он ушел в самого себя, то есть в свою науку. Даже свою «профсоюзную деятельность» он ограничил регулярной платой взносов (да и то раз в квартал.). Вот почему партторги, а вслед за ними некоторые члены дирекции Института языка и мышления (а затем Института языкознания РАН) приклеили к ученому ярлык «аполитичного ученого». Другие же смягчали «наклейку» и называли его просто «кабинетным ученым» (скажу в скобках, что полное понимание он находил у таких гигантов науки, как, скажем, академик Н. Я. Марр и И. И. Мещанинов).

Во-вторых. Общаясь с коллегами В. И. Абаева по РАН и в Осетии, я убедился, что многие из заурядных работников науки просто завидовали ему. О, эта банальная зависть! Сколько неблаговидных поступков совершают люди из-за нее! Это в особенности относится к карьеристически настроенным людям, которые, как говорится, любят в науке (искусстве) себя, а не науку (искусство) в себе...

В-третьих. Определенной недооценке научных заслуг В. И. Абаева способствовала и многогранность его творчества. Будучи лингвистом-иранистом, он в то же время выступал как теоретик языкознания и фольклорист, как специалист по историческим проблемам лингвистики и литературовед. Чтобы охватить весь комплекс научных проблем, разрабатываемых В. И. Абаевым, необходимо было проделать специальную работу, плодом которой явилась переиздаваемая книга «Васо Абаев», ознакомившая заинтересованного читателя с широким кругом разрабатываемых ученым проблем.

Свою роль в некотором отчуждении В. И. Абаева сыграл и его характер. Известно, что многие выдающиеся деятели разных областей науки и культуры наряду с ярким талантом обычно обладают и сильным характером. Эти две составные крупной личности как бы дополняют, защищают друг друга. Применительно к Абаеву – я уверен, что именно его «кремневый» характер создал условия продолжать свою подвижническую исследовательскую деятельность в труднейшие для него периоды жизни, складывавшиеся из-за несоответствия взглядов ученого с «линией партии и правительства». На рубеже двух половин 20-го века его упрекали идеологи партии во многих «грехах» и в разной мере. Но самые яростные атаки на «аполитичного» и «кабинетного» ученого, пожалуй, были связаны с его отношением к Н. Я. Марру и марризму в науке.

В конце сороковых годов, когда «новое учение» Марра было поднято до самого высокого уровня, сокрушительной критике подвергли многих выдающихся филологов, не признававших, якобы, учение Марра как марксистское. Постепенно критики («литературные чекисты» по выражению академика О. Н. Трубачева) добрались и до тех, которые «не защищают» Марра, хотя были его учениками. В этом плане самые жесткие слова были сказаны о Василии Ивановиче, который, действительно, был учеником Марра, но давно отошел от него, по многим методологическим вопросам, оставаясь «индоевропеистом» (Помнится, что имя Абаева в 1949 г. попало даже в одно из постановлений Президиума АН СССР по данному вопросу).

Чувствуя несправедливость обвинений, В. И. Абаев, однако не стал оправдываться, не смалодушничал и продолжал свою исследовательскую работу.

Не прошло и года, как снова тучи сгустились над головой ученого. Теперь гром грянул с противоположной стороны.

Старшему поколению ученых памятливы дни, когда на страницах центральной газеты партии «Правда» развернулась критика недавно еще восхваляемого «нового учения» Марра. И, что самое главное, когда скре-

стились копы сторонников и противников Н. Я. Марра, на арену выступил... сам И. В. Сталин – гром среди ясного дня!

Он действительно раскритиковал наиболее одиозные стороны «нового учения», защитил традиционное («индоевропейское») языкознание. Иными словами, случилось чудо: культ Марра был развеян культом Сталина (!).

Но дальше все пошло как всегда... Мое поколение (я тогда был аспирантом В. И. Абаева) было свидетелем того, как большинство филологов буквально за недели и месяцы «покаялись» в том, что были сторонниками Марра, восхваляли его. Лишь единицы молчаливо продолжали свою работу. Ежедневно происходили конференции, совещания, а то и просто собрания коллективов учреждений, на которых специалисты выступали с самокритикой, а парторги и члены дирекций – с критикой тех, кто еще «не покаялся» в своих добрых чувствах к Марру. На различных собраниях все чаще и чаще начали упоминать В. И. Абаева, который «будучи учеником Марра, все еще молчит» (Разумеется, никто не вспоминал об упреках его в том, что он «отошел от своего учителя»).

Но «кремневый характер» позволял ему, стиснув зубы, молчать и продолжать свою работу по составлению основного труда жизни «Историко-этимологического словаря осетинского языка». Однако это длилось не долго.

В один прекрасный день молния ударила с невиданной силой – в газете «Правда» была опубликована подвальная статья со знаковым заголовком: «Неразоружившийся маррист». Вся она была посвящена «ученику Марра, не желающему порвать с марризмом» и примкнуть «к общей массе лингвистов, признавших сталинское учение в языкознании».

Помню, с данным номером газеты ко мне прибежали коллеги-аспиранты в общежитии. Я тут же с ней явился к учителю, который как всегда с 15-00 работал в своем институтском кабинете. Мое появление его немного смутило, т.к. занятия в это время не планировались.

– Разве мы договаривались о встрече? – спросил он, вставая (он всегда, и до сих пор! приветствует всех стоя!).

– Нет, Василий Иванович. Но вот газета... О Вас... вы еще не читали...?

– Нет, с прессой я знаколюсь вечером. А днем надо работать.

С этими словами он взял у меня из рук «Правду» и внимательно прочитал статью, в которой оторвавшегося от жизни «аполитичного марриста» ругали три известных автора (двое из Москвы, а один – из Осетии). После таких «правдинских материалов» участь людей обычно была предрешена.

Поэтому я внимательно и с сочувствием смотрел на профиль своего учителя. Но что это?! Ни один нерв не двинулся на лице. После прочтения статьи В. И. Абаев повернул взор на Неву. И я невольно сравнил: и лицо и Нева были одинаково спокойны... «Вот характер», «вот нервы», – подумал я, но мои мысли были прерваны словами:

– Какая несправедливость. Ну что ж, а работать надо – и попросившись со мной, он сел и продолжал свое занятие наукой.

Я неоднократно убеждался в невероятной силе воли Василия Ивановича. Но то, что наблюдал в этот момент, показалось особенно неправдоподобным.

Однако вскоре судьба предложила второе такое же испытание.

Через некоторое время из Москвы, куда перевели дирекцию Института языкознания, пришел вызов на имя В. И. Абаева. Ему предлагалось «отчитаться за проведенную работу в период после начала дискуссии по вопросам языкознания». Всем было ясно, что ученому предоставляют еще один шанс «покаяться».

Я поехал со своим учителем, так как не был уверен, что он займется самокритикой и что его не посадят.

Вспоминается – актовый зал Института языкознания РАН (теперь там Институт русского языка РАН) полон ученых и аспирантов – все ждут, что скажет «легендарный слушник», как он себя поведет.

Директор института академик Виктор Владимирович Виноградов очень любезно предоставляет слово «слушнику». Тот в течение уделенного ему регламентом времени подробно рассказал о своей научной деятельности.

– Это все, что Вы хотели сказать? – спросил несколько удивленным голосом академик.

– В рамках регламента все. Если будут вопросы, постараюсь ответить – с достоинством ответил В. И. Абаев.

– Тогда у меня вопрос: как Вы относитесь к идеям, высказанным Иосифом Виссарионовичем по вопросам языкознания?

– Виктор Владимирович, я внимательно изучаю труды товарища Сталина по языкознанию и уверен, что они помогут нам освободиться от многих ненаучных догм «нового учения» академика Марра...

Затем начались выступления целого ряда ученых, не оставивших «камня на камне» от многих теоретических идей В. И. Абаева. Механизм подготовленной критики сработал исправно. За все долгие часы бурного заседания Василий Иванович сидел в кресле-стуле, как витязь, и слушал внимательно. Я, было, спокойно через плечо предложил ему ручку и бумагу – отвечать-то придется.

– Не надо, спасибо.

– Теперь что вы скажете, Василий Иванович? – с вызовом, но неизменным доброжелательством спросил председательствующий.

– Если угодно, отвечу кое на какие замечания, – промолвил «подсудимый» и своей спокойной походкой прошел к кафедре.

Что мы, присутствующие, услышали, немало удивило нас.

Теперь я знаю о феноменальной памяти В. И. Абаева, могущего наизусть читать художественные тексты древних и современных авторов на санскрите и латыни, русском и немецком, грузинском и осетинском (иронском и дигорском диалектах). Но тогда мне показалось чудом то, что услышал в ответном его слове. Он ответил каждому из полутора десятка выступивших, причем ответил по существу затрагиваемых вопросов. Когда он замолчал, В. В. Виноградов сказал:

– И это все?

– Все, если я не упустил какое-нибудь замечание, – и он посмотрел в зал вопрошающе.

Ученые, критиковавшие его, опустили головы, пряча взгляд. Академик прервал затянувшееся молчание.

– Неужели, Василий Иванович, Вы не понимаете, что я Вас хочу спасти. Вы должны были покаяться в своих марристских заблуждениях, – выговорил он с каким-то состраданием.

– Спасибо, Виктор Владимирович, за сочувствие, но, право, от совести моей меня никто не может спасти кроме меня самого. А теперь, если нет больше ко мне вопросов, всего вам хорошего!

И он своим известным размеренным шагом промерил длину всего зала и вышел. Пока аудитория находилась в каком-то оцепенении, я выскочил из зала и побежал за учителем, будучи уверенным, что работники НКВД схватят его. Но ничего не произошло.

В ожидании прошло два дня. На третий, перед вечерним отъездом в Ленинград, я заглянул в Институт и сразу же меня повели к директору В. В. Виноградову.

– Где этот Ваш джигит? Я из-за него все нервы свои испортил!

– В гостинице, вечером уезжаем в Ленинград.

– Никуда вы не уедете... Есть указание инстанций перевести его в Москву и пусть приступает к работе в качестве моего заместителя. Так-то... Тоже мне – Жуков в языкознании. Вот готов и ордер на двухкомнатную квартиру на Ново-Песчаной, – завершил академик свой разговор с доброй улыбкой, которая меня впоследствии не раз согревала.

Я пулей примчался к учителю и рассказал несколько раз все с новыми и новыми подробностями.

Лицо Василия Ивановича, которое сначала ничего не выражало, как-то потеплело и он сказал:

– В Москву, говоришь? Это, пожалуй, нам подходит. А то ленинградская сырость все больше дает о себе знать...

И действительно, В.И. Абаев долго хворал шейным туберкулезом, затем почувствовал ногу.

– Но давай посмотрим квартиру. Как бы нам не продешевить, – сказал он совсем уже по-доброму, и мы поехали на Ново-Песчаную. Квартира понравилась, и Абаев в ней живет вот уже около полувека...

И все это – сила характера. Она часто губит человека, но и спасает, помогает достичь высот науки и человеческого духа.

Меня долгие годы не покидала мысль: как это В. И. Абаева миновали репрессии и, наоборот, он удостоился «царской милости». Ответ на этот вопрос мне смог найти тот же акад. Виноградов, который, кстати, говаривал: «К Абаеву не подходите с обычными мерилками, он особая личность...»

Будучи впоследствии при В. В. Виноградове ученым секретарем, я как-то задал ему занимавший меня вопрос, на что он ответил:

– Сталин уважал смелые личности, вспомните Жукова. А впрочем, подробнее расспрошу кого-нибудь в ЦК.

И через некоторое время от него узнаю следующее.

– В очередной раз к Сталину пришли со списком лиц, которых «надлежало» репрессировать. В начале перечня стояло имя В. И. Абаева (по алфавиту). Сталин поставил галочку после его имени, сказав:

– Хороший ученый, оставьте его в покое. Переведите его в Москву в помощь Виноградову.

Указание тут же было выполнено.

Кстати говоря, я давно убедился, что Сталин при подготовке своих поистине судьбоносных статей по вопросам языкознания, пользовался и трудами В. И. Абаева, в частности, незадолго до дискуссии опубликованной книгой «Осетинский язык и фольклор» (Т. 1. М.; Л., 1949). Именно здесь сформулировал ученый свой принцип деления слов на «основной лексический фонд» и «словарный состав» (ср. у Сталина: «основной словарный фонд» и «словарный состав»). Разумеется, Сталин не сослался на В. И. Абаева, но факт остается фактом.

Как бы то ни было, В. И. Абаев не только «выжил», но его авторитет повысился несказанно. Характерно, что в пору моды на критику Сталина как только не побуждали ученого выступить против «обидчика». Но он не стал подпевать хору ученых, в который раз менявших свои убеждения. Он преподнес и все еще преподносит великий урок нравственности, без

чего не может обходиться и наука. О чем еще говорит этот урок? Вероятно, о том, что большой талант выдающегося ученого может реализовать свой творческий потенциал лишь при наличии у него неукротимой воли, сильного характера.

Много других уроков преподносит нам личность и научное творчество В. И. Абаева. Об одних из них мы уже говорили в разное время, о других должна пойти речь в будущем. Но еще об одном уроке великого труженика науки необходимо сказать, ибо уже сейчас «тоска стала ясной, осознанною болью»...

А дело в следующем.

Работая десятилетиями над своим главным трудом – «Историко-этимологическим словарем осетинского языка», Василий Иванович просматривает сотни и тысячи публикаций и обнаруживает одну закономерность: чем крупнее ученый, тем он основательнее опирается на достижения своих предшественников. И наоборот, у ординарных исследователей необходимые ссылки не всегда обнаруживаются. Такие исследователи зачастую, как говорится, «изобретают заново велосипед». Эта антинаучная болезнь коснулась и некоторых осетиноведов.

– Что это, авторы не знают литературу или они занимаются откровенным плагиатом? – удивлялся ученый. – Написали бы вы историю осетиноведения.

Получив «заказ» своего учителя, я, действительно, потрудился несколько лет и в 1974 г. опубликовал «Очерки по истории изучения осетинского языка» (Орджоникидзе, 1974). В «Предисловии» к работе В. И. Абаев еще раз напоминает, что «чтобы успешно вести научное исследование, надо быть в курсе всего того, что уже сделано в данной области» (с. 3).

Сам Василий Иванович и в этом плане показывает замечательные образцы корректности. Зная досконально все, что относится к обсуждаемому вопросу, он тщательно «документирует» свою аргументацию и конкретный анализируемый материал. В его этимологическом словаре, например, можно найти даже такие замечания: «данное соображение высказано в личной беседе таким-то» или «эти факты приведены в письме такого-то».

К сожалению, этот замечательный урок, урок научной корректности, часто нарушается в «вотчине» самого В. И. Абаева – осетиноведении, это случается с людьми, любящими в науке себя, а не наоборот (в себе – науку). Приведем конкретный пример, связанный с одним именитым автором.

В 1999 г. в коленкоровой голубой обложке выходит «Краткий русско-осетинский словарь» (Владикавказ, Издательство Северо-Осетин-

ского государственного университета). В своем предисловии (14 строк) автор не находит возможности напомнить о том, что уже существует по крайней мере два русско-осетинских словаря. Это прежде всего «Русско-осетинский словарь» В. И. Абаева (Москва – 1950, 25 тыс. слов), над составлением которого автор работал почти десять лет. Именно в нем впервые поставлены и решены многие принципиальные вопросы. Через двадцать лет (в 1970 г.) выходит второе издание Словаря, где автор и редактор учли двадцатилетний опыт пользования словарем.

Что, автор «голубой книги» будет уверять, что он не пользовался капитальным трудом великого осетиноведа? Что у него всего-навсего «Краткий словарь»? Или он будет называть словарь В. И. Абаева старым, устаревшим, поэтому, мол, нет на него ссылки...

Допустим. Но есть же, действительно, словарь более современный и тоже «краткий», а именно «Краткий русско-осетинский словарь» (15 тыс. слов, М., 1978 г., составители З. Г. Исаева и А. Д. Цагаева). В предисловии к своему труду авторы в полном соответствии с научной методологией пишут: «При составлении словаря авторы опирались главным образом на «Русско-осетинский словарь» В. И. Абаева (М., «Сов. энциклопедия», 1970), в котором решены кардинальные вопросы осетинского двуязычного словаря. Используются также следующие источники: (с. 7). Далее авторы ссылаются на 10(!) различных словарей, включая осетинские терминологические, которыми они пользовались при составлении своего лексикографического труда.

Так, может быть, автор «голубого коленкора» сослался хоть на этот, тоже «краткий словарь»? Ничуть не бывало. Обходясь без ссылки на великого лексикографа В. И. Абаева, наш джигит-автор «голубого словарика» не снизошел и до упоминания «дамского» краткого словаря. Как говорится, и смех, и грех. Ведь он считается учителем немало числа молодых осетиноведов, и какое научно-нравственное воспитание они получают?!?

Хотелось бы думать, что автор «голубого коленкора» проявил в данном случае какую-то профессорскую рассеянность. Может быть, наряду с тремя фразами в его предисловии существовала четвертая со ссылкой на своих предшественников по словарному делу?

К сожалению, аналогичные факты встречаются и в других его работах. Значит, это у него не «единоразовое» упущение, а укоренившаяся «методика» работы.

...Уроки В. И. Абаева. Их немало. Но главными из них, на мой взгляд, являются: великое трудолюбие, помноженное на высочайшую культуру труда, высокая принципиальность, охраняемая несокрушимым

характером, неукоснительное соблюдение методов («правил игры») научного труда. Мы, ученики и коллеги великого нашего современника, должны усвоить эти и другие – уроки Учителя и Патриарха отечественной филологии, отстаивать их и воспитывать в соответствии с ними молодых ученых.